

*Посвящается моим любимым женщинам,
маме и жене — без них книги бы не было...*

Пролог

То, что охота не задалась, стало понятно почти сразу. Мелкий дождик прямо-таки шептал: «Спать, спать...» На следующий день ничего не изменилось, но все же, немного подзаправившись «жидким топливом», несгибаемые охотники выдвинулись на поиск какой-нибудь живности. Желательно косуль (на них даже лицензия имелась), но под вечер все согласны были даже на одинокого зайца, тогда было бы чем оправдать целый день бессмысленных шатаний по лесам и полям необъятной родины. Увы! Пришлось (как и всегда) отвести душу на пустых пивных банках и березовых чурбачках. Точку в этих немудреных развлечениях поставила начавшаяся на закате летняя гроза — красивая, с полыханием разрядов на полнеба, громом, от которого закладывало уши, и косыми струями теплого ливня. Все охотники, весело перекрикиваясь, потрусили к палаткам, а один решил снять буйство стихий на цифровик, для чего немного отошел в поле, где и принялся периодически сверкать вспышкой. Последнее, что все запомнили отчетливо, — двойная вспышка со стороны одинокого силуэта, слегка размытого в водяной пыли: маленькая из рук и большая, соединившая землю и небо толстым плазменным жгутом. Потом настало время запредельного ЗВУКА, раздирающего тело и сознание... Когда первые, кто очнулся, подбежали поближе в поисках своего товарища, их почти сразу и дружно вывернуло от густого запаха горелого мяса. Тела никто так и не нашел...

* * *

Все, что я почувствовал, — это как вспыхнул призрачно-белый свет. И еще вибрацию в теле, такую, что казалось, будто рассыпаюсь на части. Темнота. Мягкая и обволакивающая, она стремилась растворить в себе, размывая любые мысли и желания. Со странным безразличием я просто ждал, но ничего не происходило. Постепенно я начал различать окружающее — стал виден поток черного света и отдельные мягкие струи в нем, мерцающие множеством разноцветных искорок, иногда

окутанных заволаживающим и манящим серебристо-синим туманом. Одни искорки покалывали ласково, что ли? Другие воспринимались как перекрученный клубок стальной проволоки с зазубринами на концах. Как долго это продолжалось, не знаю. Может, двигался поток, а может я в нем. Понять было сложно. Постепенно внимание все больше и больше стала привлекать «ласковая» искра. Вот она вспыхнула особенно ярко и тут же затлела тускло-тускло, заслоняя собою все вокруг, незаметно вырастая в размерах, наливаясь силой, настойчиво притягивая и маня к себе, все ближе и ближе. Наконец все окончательно погасло, уступая ее настойчивому сиянию, вспышка и сразу следом тьма...

Глава 1

Боль. Она жгучим огнем разорвала покой души и принесла ощущение жизни. Все пять чувств корчились от нее, вымывая из разума равнодушие по капле, струйкой, полноводной рекой... После пришел черед хлада, и от него трясло так, что даже ослепляющие вспышки света во тьме были не сразу осознаны. Но постепенно они стали восприниматься как... пощечины? С громыхающим скрежетом вернулся слух, и из размыто-серой пелены сразу прошелся напильником по нервам слегка «плавающий» голос:

- Юнкер? Вы меня слышите? Гм?
 - Агхкхха... гэ, а?
 - О! Он пришел в сознание, господин штабс-капитан!
 - Благодарю вас, я это заметил.
- Новый голос был гораздо глуше первого.
- Юнкер Агрнев, вы слышите меня? Как вы себя чувствуете?
 - Доктор, позвольте заметить, корнет Агрнев!
 - Для меня он прежде всего пациент, а все прочее...

Голоса отдалились, и мягко подступившая ласковая темнота укутала собою сознание, унеся его в беспомыслие.

Он пришел в себя, как будто всплыл из толщи воды к солнцу и небу: плавно, мягко и немного растянуто по времени. Первое, что увидел, — это потолок. Грубо побеленный, в мелких трещинках, и взгляд тут же зацепился за одну из них, помогая прийти в себя. Постепенно возникло понимание: живой!!! Руки, ноги — все на месте и цело! Тело, правда, ломает так, как будто вагон с углем разгрузил. Слабой, словно чужой рукой провел по себе в поисках ожогов или ран... и... и... и хрипло каркнул:

- Похоже, крыша все же улетела!!

* * *

Правду говорят: утро оказалось заметно лучше вечера. Чужая память, а вернее, обрывки и куски ее, воспринималась теперь как соб-

ственная. К сожалению, информации крайне не хватало — но лучше хоть что-то, чем совсем ничего.

«Итак, что мы имеем?»

Вчера у юнкера Агренева был торжественный выпуск из Павловского военного училища и построение-парад по случаю получения первого офицерского чина — в высочайшем присутствии. Яркое солнце, звуки оркестра, нереально сочные цвета... И над всем этим гремит сильный голос... ага, начальника училища? Хм, может, и нет, но бывший хозяин тела явно трепетал перед его обладателем.

— Князь, поздравляю вас со званием корнета!

«Нормально, я еще, оказывается, и аристократ!»

— Благодарю вас, ваше...

На этом фильм-воспоминание резко оборвался, напоследок одарив слабым отголоском боли в висках. Отсортировав то, что осталось, он не смог даже определить, как его... мда!.. теперь звать-величать, то есть собственное имя и отчество. А когда-то звали Леней-Леонидом...

«А значит что? Остается всем и каждому поведать о моей, гм, амнезии! И валить подальше от всех, кто знал меня прежнего, подальше и побыстрее. Потому как я сегодня не такой, как вчера — и сильно не такой».

От размышлений отвлекло сильное желание посетить... сортир, как подсказала новая-старая память. Блин!!! Ну, просто день открытий, чтоб их! Тело заметно «тормозило», как будто передвигалось под водой. Шаркнув ногой под койкой, он тут же выпихнул наружу эмалированный тазик знакомой формы — утка обыкновенная, медицинская.

«А жизнь-то, похоже, налаживается, а?»

Глава 2

Отныне и навсегда он — князь Агрнев, Александр Яковлевич. После завершения торжеств по случаю окончания славного Первого Павловского военного училища, расположенного в не менее славном городе Санкт-Петербурге, он был найден без сознания на полу рядом со своей койкой в казарме. Попытки привести в чувство успеха не имели, и безвольную тушку «обессилевшего от эмоций» князя на руках перенесли в лазарет училища, где он и провалялся пять дней, пока не пришел в сознание. Товарищи по учебе уже разъехались наслаждаться месячным отпуском, наставники большей частью тоже, на освободившиеся койки выпускников уже (и с немалым энтузиазмом) переселились довольные и счастливые бывшие первокурсники... перед тем, как отбыть на сборы в Красносельский летний лагерь. Сейчас начало июня, и вообще, бедный он несчастный сиротинушка... Последнее утверждение есть натуральный факт. Матушка умерла через три года

после его рождения, а отец преставился пять лет назад (но и до этого не баловал вниманием единственного сына). Так что юнкер Агрнев всю свою сознательную жизнь жил и учился на казенном коште, то бишь на полном государственном обеспечении. Ко всему еще имел вполне заслуженную репутацию рохли и зубрилы, вежливо-предупредительного с учителями и курсовыми офицерами, но нелюдимого со сверстниками.

Все это удалось узнать из рассказов появившейся «сиделки-говорилки», то есть Старшего Лазаретного Служителя (только так и желательно все с большой буквы), представившегося Николаем Исааковичем. Он читал для развлечения (явно своего) нотации третий час подряд. У-у-у-у!!! Когда «больной» уже решил, было, все: умираю! — разговорчивого дядю позвали. Но! Оказалось, что радоваться было рано. Стоя в дверном проеме, Старший Лазаретный Садист, то есть, конечно же, Служитель, просто раздавил своим обещанием вернуться поскорее, чтобы и дальше развлекать князя интересной и поучительной беседой:

— Конечно, если вы не будете спать, Александр!!!

«Да я и рад бы, но, увы...»

Пока этот г... говорил, в сон клонило неимоверно. А только ушел, и сонливость мигом исчезла. Хотелось смеяться, прыгать и вообще... тело просило движения. Радость омрачало только одно обстоятельство: странные рефлексy, доставшиеся ему в наследство. Мало того что все движения были уж очень «задумчивыми», так еще и выразить свое удивление посредством крепких выражений ну никак не удавалось! Уже на втором-третьем слове губы и язык словно замораживало, а мышцы лица немели. Хорошо еще, что хотя бы про себя можно было облегчить душу. Встал, походил по комнатушке, набил немножко синяков — поочередно о тумбочку, койку и подоконник, проведаль утку (по размеру больше похожую на тазик), прилег и незаметно как-то взял, да и заснул.

* * *

Утром его разбудили в несусветную рань, и только для того, чтобы поинтересоваться: а не желает ли больной чего-нибудь? Так как спросонья вместо слов наружу просился только мат, то и получилось, что не хочется ничего — раз уж промолчал. Опять заснуть не удалось, поэтому Александр с раздражением встал, походил, умылся-облегчился и от скуки решил поработать над координацией. Именно поэтому, когда в палату зашел (и ведь даже не постучал перед этим, зараза) Николай Исаакович, он с удивлением и негодованием обнаружил, что больной грубо нарушает распорядок. Вместо того чтобы смиренно лежать на койке в ожидании обхода и энергично стонать, пациент старательно махал руками и ногами, разминаясь, да еще и песенку какую-то напевал! Не-

одобрительно поджав губы, Старший Лазаретный Служитель изволил сделать замечание:

— Вам следует лечь в койку, Александр! Завтрак будет только после осмотра...

И уже обращаясь к кому-то снаружи, попытался приветливо улыбнуться:

— Прошу вас, Полиевкт Харлампиевич!

«Одуреть, что за имя».

Вошедший мужинка лет пятидесяти — шестидесяти, в коричневом сюртуке, с накинутой поверх него серовато-белой накидкой, сразу начал вежливо-приторно улыбаться.

— Ну-с, как ваше самочувствие?

— Благодарю... доктор, хорошее.

— Где-нибудь болит? Голова, живот? Нет?!

— Нет, ничего такого.

— Что с вами приключилось, не помните?

— Вообще ничего, доктор.

— Хм. Ну что же, давайте, голубчик, я вас осмотрую.

После стандартного осмотра — язык, глаза, уши, послушать сердце, посчитать пульс, — и все это со значительным и глубокомысленным видом (а то как же, такое светило медицины), доктор, а скорее всего простой медик, призадумался, мучительно решая. Лечить пациента, и если да, то от чего?

— Ну, я думаю... что... все плохое уже позади, гм-гм. Нервический припадок, видимо. Да-с. Покамест еще немного полежите, мало ли? Да-с. А утром я вас еще напоследок осмотрую и... Кхм, да. Николай Исаакович, продолжим обход.

Минут через пять появился служитель с долгожданным завтраком. Черт!

«Все-таки, у всех больниц есть что-то общее. Там пичкали овсянкой — и здесь она родимая. На обед, видимо, будет пшенная каша с рыбной котлетой. Ничего, переживу, а вернее — пережую».

К счастью, был еще и сладкий чай с парой кусков белого душистого хлеба. И на обед с ужином тоже.

* * *

«Если тут больных так рано будят, во сколько же здоровые подсакивают!?»

За окном было еще темно, когда его растолкал бодрый старичок, благоухающий легким ароматом перегара.

— А?

— Вашбродь, пожалте освежиться.

— ?!

Жестяной тазик-купель, ведро с теплой водой и полотенце уже привычно сероватого оттенка — одним словом, местный заменитель душа.

Только ушел лазаретный служка, тут же появился господин доктор.

— Ну-с? Как вы себя сегодня чувствуете?

— Спасибо, гораздо лучше, чем вчера.

— Похвально, похвально. Встаньте. Повернитесь. Так, прошу вот сюда, поближе к свету. Ну, что же, могу вас порадовать, голубчик, вы полностью здоровы. Да-с! Того, что с вами приключилось, вам стыдиться не следует, поверьте. Все-таки выпуск из Павловского — это, э... не рядовое событие. Да-с. Гха. Э... да. Таким вот образом. Так что после завтрака вы можете покинуть лазарет, да-с.

— Благодарю вас, Полиевкт Харлампиевич!

— Ну что вы, голубчик, право же, это пустяки.

Завтрак молча принесли, молча плюхнули деревянный поднос на прикроватную тумбочку и так же молча удалились. Сервис, однако! Едва он запихнул в себя неопознанную размазню с тарелки и прополоскал рот чаем, тут же доставили одежду.

«Под дверью, что ли, стояли да прислушивались?»

Белая рубаха-куртка и темно-зеленые штаны. Тесноватая бескозырка, сапоги, начищенные и натертые так, что нужда в зеркале отпала. Ремень опоясал талию. Руки делали все сами, без участия разума. Легкий мандраж растворился в нахлынувшем безразличии.

— Веди.

Служка, подскочив (задремал, наверное), вытянулся как мог:

— Слушаюсь!

Шагая за шустро ковыляющим дедком, бывший пациент попутно рассматривал лазарет: окрашенный желтой краской деревянный пол, бежевая на стенах, а все остальное в грубой известковой побелке, даже откосы на окнах. Непонятный кислый запах повсюду и полная тишина, отчего их шаги звучали особенно громко.

«Чистенько и бедненько, н-да».

Пара длинных коридоров, узкая и крутая лестница без перил — и в глаза ударил яркий свет утреннего солнышка.

— Благодарю.

— Рад стараться! Велено напомнить — вас ждут в канцелярии!

«Чем раньше отсюда исчезну, тем для меня лучше будет. Ага, вроде туда надо?»

Угрюмо-серое двухэтажное здание напротив лазарета и впрямь оказалось канцелярией — навстречу попались двое письмоводителей и важный господин с пухлой папкой в руках, подсказавший, куда пройти.

— Корнет князь Агренов, Александр Яковлевич?

Мелкий (по внешнему виду) чиновник изобразил полное равнодушие и вселенскую скуку

«Это как там, по-уставному?»

— Так точно.

— Все давно готово. Попрошу расписаться: с вас вычет за порчу казенного имущества. Это я про те царапины на винтовке Бердана. И здесь. И в этом ордерочке. Вот ваши бумаги и предписание!

На стол перед бывшим (теперь уже точно) юнкером небрежно кинули большой толстый конверт.

— Вам следует поспешить, господин казначей будет присутствовать еще час, не более.

Выяснив, где тот сидит, корнет энергично двинулся за денежкой. Побольше бы таких сюрпризов — или почаше!

Казначей в чине надворного советника (работает автопилот-то!) при виде Александра недовольно скривился, но без проволочек выдал, три раза перед этим пересчитав, аж двести рублей — и тут же стал демонстрировать, как он занят. То есть шуршать бумагами, переставлять чернильницу на столе и все такое в том же духе.

«Ну-ну, какой артист пропадает. Практически никакой. Так! Как бы еще до своей комнаты добраться? Значит, двигаюсь медленно, можно сказать печально и попутно присматриваюсь к окружающим, а на месте что-нибудь соображу. Надеюсь».

Увы, автопилот поломался на подходе к... Казармой ЭТО назвать было нельзя, уж очень сильно мешал веселенький лиловый цвет стен и ухоженные, пышные клумбы с цветами на входе. Помогла наглость — она же, как известно, второе счастье. Наглость и дежуривший на входе нестроевик. Вежливо кивнув в ответ на приветствие, Александр добродушно улыбнулся:

— Не заняли еще мою обитель?

— Никак нет, ваше благородие!

— Да ладно, не тянись. Второй курс?

— Разъехался. Два дня еще тому.

— И где теперь мои вещи?

— У господина фельдфебеля на сохранении.

— А где его найти?

— Ну... у себя должен быть.

Подарив оставшемуся безмянным вахтеру на прощание армейскую мудрость всех времен и народов о том, что «солдат спит, а служба идет», князь отправился в фельдфебельские апартаменты. Уверенным шагом, спешно и с некоторой ленцой. Стараясь при этом не напрягаться слишком уж сильно при виде очередного встречного солдата-нестроевика с тряпкой или метелкой в руках и не забывать отмахивать им приветствие. Хранитель его вещей был немногословен. Указав номер

двери и уверив, что все вещи в целостности и сохранности (тумбочку так прямо от койки забрали, не заглядывая), фельдфебель небрежно козырнул напоследок и резво отбыл в неизвестном направлении — терроризировать подчиненных. Добравшись до заветной двери, Александр слегка удивился. Она была на надежном запоре в виде громадного и явно чугунного шпингалета.

«Да. До люкса далеко. Но все же лучше, чем в больничке. А, нет, не лучше...»

Комната хоть и была просторнее, но имела небольшой недостаток или несомненное достоинство, кому как. Ее стены на полметра не доходили до потолка, позволяя легко общаться с соседями или подсматривать. Впрочем, до последнего тут наверняка еще не доросли. Кровать, рядом его тумбочка, маленький стол, кривоватый стул. У входа громоздится немаленький и сильно рассохшийся шкаф, рядом на стене — узкое зеркальце. Дом, милый дом. Бросив конверт на стол, к лежащей там стопочке книг, он завалился на койку. Уф, устал!!! Мыслей не было никаких. Вроде и надо бы удивляться, паниковать, строить планы, всячески суетиться, но все это заслонило собою угнездившееся в глубине души равнодушие. Лениво текли мысли:

«Как все странно. Может, с ума сошел? Такие реальные глюки. Последнее, что помню, — грозное небо. А потом что?»

От попыток хоть что-то прояснить жутко разболелась голова, резко, неожиданно.

—!!!

Кто-то ойкнул за дверью и с громким топотом убежал. А ярость... Ярость прошла так же быстро, как и появилась, забрав с собой и равнодушный настрой.

«Поживем — увидим».

Присев за стол, он стал потрошить конверт: что там у нас? Офицерская книжка, хех, предтеча военного билета. Новенькая, типографской краской пахнет. Дальше. О! Предписание!!! Любопытно, любопытно...

Корнету князю Агрневу. Получением сего явится к месту службы: Царство Польское, третий Варшавский округ, Келецкая губерния, штаб 14 Ченстоховской бригады, не позднее первого июля сего года.

Неразборчивая подпись на полстраницы и скромная блямба синей печати.

«Опа! Царство Польское? Непонятно... и по времени — я опаздываю или можно не торопиться? А год-то какой?! Что-то подсказки нету. Так, посмотрим в военном, то есть в офицерской книжке. Ага. Одна тыщища восемьсот восемьдесят шестой. О как! А родился я... в шестьдесят восьмом. Восемнадцать, значит».

Третий Варшавский округ. Хм! Непонятно откуда появилась твердая уверенность — пограничники.

«Опять автопилот шалит? Ладно, мелочи. Погранцы — это очень даже неплохой вариант, обычная пехота была бы куда хуже. Или, упаси господи, кавалерия или артиллерия — я ж там не в зуб ногой. О службе в ВМФ даже думать страшно! Пограничники. Видимо, поэтому и корнетом записан. Да уж. Вот интересно: учебную программу училища, как там его... ах, да, Павловского, помню отлично, а когда у тела день рождения — нет?! Смотрим в офицерскую книжку и... зимой, значит? Тоже неплохо. В плюстик пойдет еще и место службы — там меня никто не знает, а следовательно, и не заинтересуется, почему это поведение и манера общения юнкера... н-да, корнета. Корнета князя Агренева так сильно и резко изменились. А через годик-два на все вопросы будет железная отговорка: все течет, все меняется! Ладно, что там далее? Хм, билет на поезд Петербург — Варшава. Мило, очень мило. Хотелось бы надеяться, что достанется купе, а не плацкарт. Или его тут еще не изобрели? Время отправления — шесть часов пополудни, первый перрон, открытый билет сроком на месяц. Не понял. Пополудни — это как? Ах, это восемнадцать часов! Тогда время еще есть, успею».

Что еще? Его внезапно осенило — текст! Все написано с ятями и всяческими завитушками, он же спокойно все читает. А написать? Чернил или карандаша под рукой не было, но они бы и не потребовались — появилась вдруг твердая уверенность, что и с этим делом все в порядке.

«А ну-ка! Кто нынче на троне?! Опа, знаю. Его императорское величество Александр III. Ее императорское величество Мария Федоровна-младшая... Цесаревичем недавно объявлен Николай. Вот, блин! Ладно, потом разберемся, главное, чтобы оно было — это самое потом».

Быстрый взгляд на листок принес очередной поднадоевший сюрприз — милого Сашеньку поздравляли с окончанием, всемерно гордились, от всей души желали и надеялись... ага, конечно, оправдает, а как же иначе? и не забудет, угу. О, самое интересное — подпись: «Любящая тебя тетя Татьяна Львовна». А говорили, что сирота. Обманули, сволочи! Подальше, подальше от нежданно появившейся родни, а письмецо отложить до времени подходящего, ради адреса обратного — вдруг пригодится? Обыск-осмотр комнаты начался со стола: а что это там такое интересное в стопочке лежит?

«Военная топология» — точно пригодится.

«Риторика» — уж наверно обойдусь, как-нибудь.

«Закон Божий» — пожалуй, присоединим к «Риторике».

Две истрепанные тетрадки с конспектами, видимо, важных лекций легли на толстый томик «Топологии» — для возможного, но не обязательного ознакомления с образцами почерка «донора»: как-нибудь полистает на досуге, сверит-проверит изменения. Ревизия в тумбочке дала следующие результаты, вернее, предметы: сильно истрепанную